

ЖИВАЯ СТАРИНА

ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ

■ Обычай *Vožična Devetica (Novena di Natale)* на итальянско-словенском пограничье: традиция и современность

УСТНАЯ ИСТОРИЯ

■ Чужие в хате: воспоминания жителей Воронежской области об оккупации

ЖАНРЫ ФОЛЬКЛОРА: ПЕСНЯ

■ Об одном забытом жанре: песня-попурри

ЭКСПЕДИЦИИ

■ Особенности религиозно-этических и мифологических представлений жителей села Адамово Республики Бурятия

Тетрадь с рукописными религиозными текстами (Костромская область)

ЖИВАЯ СТАРИНА

Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ

- М. В. Ясинская.* Обычай *Vožična Devetica (Novena di Natale)* на итальянско-словенском пограничье: традиция и современность 2
- Ю. М. Кувшинская, А. А. Заикина.* Народные паралитургические традиции в Мантуровском районе Костромской области: практики и тексты 6
- П. Ф. Лимеров.* Практика поминальных трапез в коми традиции 12
- С. Ю. Пальгов, В. А. Шилкин.* Плачевая культура Нижнего Поволжья и Подонья 16

УСТНАЯ ИСТОРИЯ

- Е. А. Клюйкова, С. Ю. Королёва, М. А. Брюханова.* От основания до затопления. Устная история Майкорского завода 22
- С. Ю. Королёва, Е. А. Клюйкова, Н. А. Швецова.* Воспоминания о деконструкции завода в рукописях Николая Слобожанинова 28
- Н. Н. Рычкова, В. А. Черванёва.* Чужие в хате: воспоминания жителей Воронежской области об оккупации 32

ЖАНРЫ ФОЛЬКЛОРА: ПЕСНЯ

- Р. Ф. Пятаев.* Чужеземный правитель грозит захватить страну: сюжетно-мотивный анализ исторической песни 35
- В. А. Воробьев.* Материалы к истории студенческих песен в Российской империи XIX — начала XX в. 38
- С. Ю. Неклюдов.* Об одном забытом жанре: песня-попурри 41
- М. Г. Белодедова.* Колыбельные песни Архангельской области 48

АРХИВНАЯ ПОЛКА

- Д. И. Кузнецов.* Семейная реликвия: альбом матроса Ю. П. Кузнецова (1959 г.) 52

ЭКСПЕДИЦИИ

- К. А. Федосова, А. П. Проценко.* Особенности религиозно-этических и мифологических представлений жителей села Адамово Республики Бурятия 57

ЮБИЛЕИ

- А. В. Черных.* К юбилею Владимира Леонидовича Кляуса 61

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

- С. А. Иванюшкина, К. Е. Килимник, Д. С. Кирпичникова, А. А. Коростелева, Л. И. Михеева, В. Е. Столярчук.* Новые электронные издания по фольклору и традиционной культуре 62
- О. В. Белова, М. В. Ясинская.* Коротко о книгах 67

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

- А. В. Ромодин, Н. Ю. Альмеева.* Конференция памяти Виктора Аркадьевича Лапина 68
- М. В. Ясинская.* Содержание журнала «Живая старина» за 2022 г. 71

Проект реализован при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Грант предоставлен
ООГО «Российский фонд культуры»

РОССИЙСКИЙ
ФОНД КУЛЬТУРЫ

2022 год — Год культурного наследия народов России

Главный редактор

О. В. Белова, доктор филол. наук, Институт славяноведения РАН

Редколлегия:

С. В. Алпатов, доктор филол. наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

М. В. Ахметова (зам. главного редактора), канд. филол. наук, Государственный Российский Дом народного творчества им. В. Д. Поленова

Д. А. Баранов, канд. ист. наук, Российский этнографический музей

Л. Н. Виноградова, доктор филол. наук, Институт славяноведения РАН

Е. А. Дорохова, канд. искусствоведения, Государственный Российский Дом народного творчества им. В. Д. Поленова

М. А. Енговатова, канд. искусствоведения, профессор, Российская академия музыки им. Гнесиных

А. Б. Мороз, доктор филол. наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

С. Ю. Неклюдов, доктор филол. наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет

В. Я. Петрухин, доктор ист. наук, профессор, Институт славяноведения РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

И. А. Разумова, доктор ист. наук, Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

С. М. Толстая, академик РАН, Институт славяноведения РАН

о Майкорском заводе // ЖС. 2022. № 3. С. 28–35.

4. Коваль-Фучило И. М. Рассказы переселенцев из зоны затопления Кременчугским водохранилищем // ЖС. 2014. № 3. С. 38–40.

5. Коваль-Фучило И. Утраченное место в воспоминаниях о принудительном переселении и в социальных практиках // Фолклористика. Т. 5. № 1. 2020. С. 73–88.

6. Коваль-Фучило И. М. Осмысления примусового переселения из зоны затопления Дністровським водосховищем (за матеріалами усної історичної наради) // Слов'янський світ / голов. ред. Г. А. Скрипник. Вип. 13. Київ, 2014. С. 215–231.

7. Королёва С. Ю., Ключикова Е. А. Память о Майкорском заводе в языке и семейных рассказах местных жителей // Социо- и психолингвистические исследования. 2021. Вып. 9. С. 118–133.

8. Кругляшова В. П. Жанры несканочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974.

9. Кругляшова В. П. Предания и легенды Урала: фольклорные рассказы. Свердловск, 1991.

10. Кругляшова В. П., Демина Л. А. К эстетике и морфологии преданий (на

материале современных рассказов городской рабочей среды) // Фольклор Урала. Вып. 6: Фольклор городов и поселков / ред. А. С. Торощина. Свердловск, 1982. С. 3–17.

11. Лазарев А. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970.

12. Нестерова Р. Беседы с памятью, или Легенды и были Роданова городища. Пермь, 2021.

13. Петров. Важный факт по крестьянскому делу // Пермские губернские ведомости. 1861. № 45 (10 нояб.). С. 680–682.

14. Рязанов Г. Вести из Кузье-Александровского завода // Пермские губернские ведомости. 1861. № 38 (22 сент.). С. 536.

15. Сибирская Атлантида (рассказы переселенцев из зоны затопления Богучанской ГЭС) / публ. О. В. Фельде // ЖС. 2014. № 3. С. 40–44.

16. Традиционная культура русских заводских поселений Урала: Курашимский завод / отв. ред. А. В. Черных. СПб., 2021.

17. Черных А. В. «Графские столы»: о некоторых местных праздниках на заводах Урала // ЖС. 2021. № 3. С. 25–27.

18. Четина Е. М., Роготнев И. Ю. Символические реальности Пармы: очерки традиционной культуры Пермского края. Пермь, 2010.

19. Янковская Г. А. Негативные последствия советских гидроэнергетических проектов: форматы и практики мемориализации // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 119–137.

Список информантов

ГАЮ — Гарифулина А. Ю., 1946 г.р., род. в Октябрьском р-не Пермского края.

ГРХ — Гарифулин Р. Х., 1940 г.р.

КВФ — Корякина В. Ф., 1943 г.р.

МЛФ — Мехоношина Л. Ф., 1951 г.р.

НТА — Неволлина Т. А., 1941 г.р., краевед.

СОБ — Ситёва О. Б., 1958 г.р.

ЧТФ — Чадова Т. Ф., 1949 г.р.

ШНА — Швецова Н. А., 1963 г.р., учитель истории, директор Майкорского музея, краевед.

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 20-18-00269 (проект «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала»).

Светлана Юрьевна Королёва, кандидат филологических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет
Екатерина Александровна Ключикова, кандидат филологических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет
Нина Андреевна Швецова, Майкорский краеведческий музей

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕКОНСТРУКЦИИ ЗАВОДА В РУКОПИСЯХ НИКОЛАЯ СЛОБОЖАНИНОВА

Аннотация. В публикации представлены фрагменты «Воспоминаний о Майкорском металлургическом заводе» и очерк «Ликвидация завода», которые написал потомственный заводчанин, основатель местного музея Н. М. Слобожанинов. Рукописи датируются концом 1960-х — началом 1980-х гг.

Ключевые слова: Урал, горнозаводская культура, память, затопление, наивная поэзия, эго-документы

Николай Михайлович Слобожанинов (1898–1984) — потомственный заводчанин, работавший на Майкорском металлургическом заводе и, по всей видимости, искренне любивший производственный процесс. Люди подобного склада редко садятся за печатную машинку, подтолкнуть их к этому могут лишь исключительные обстоятельства. Таким обстоятельством стала деконструкция действующего завода, вызванная строительством КамГЭС. Переживая это событие как утрату, Н. М. Слобожанинов сделал три дела, о которых раньше, скорее всего, не помышлял: основал поселковый музей¹, создал макет исчезнувшего завода

и оставил рукописные воспоминания. Он записал рассказы старожилов Майкора и написал собственные сочинения, среди которых «Воспоминания о Майкорском металлургическом заводе» (1969) и «Ликвидация завода» (1980). Рукописи хранятся в фондах Майкорского краеведческого музея.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И «ПУТЕВОДИТЕЛЬ» ПО ЗАВОДУ
 Любительские произведения, написанные с установкой на художественность или документальность, зачастую отличаются неожиданным смещением разных жанровых признаков. Но даже на фоне уже известной исследователям

«наивной» словесности «Воспоминания о Майкорском металлургическом заводе» являются уникальным документом. Личные воспоминания автора сочетают элементы семейной хроники и зарисовки индустриального пейзажа с точной технической информацией о расположении корпусов и работе заводских агрегатов. Тетрадь с рукописью содержит множество рисунков — чертежей заводских машин и схематичного изображения производственных процессов².

«Воспоминания» начинаются как семейная хроника. Автор рассказывает о своем отце — рабочем заводе, попутно сообщая немало этнографических подробностей, относящихся приблизительно к 1910-м гг.:

Завод я стал познавать с самого раннего возраста — детства. Помню, отец мой с работы приходил всегда чёрным от пыли угольной и нефти, видны натуральными, были, только глаза да зубы.

Приходя домой, он умывался с мылом, лицо от этого нескóлько прояснялось, а руки не промывались даже в бане.

Верхняя одежда от нефти блестела и была пропитана насквозь. Утром уходя на работу, за ним по дороге далёко тянулся след от лаптей, они за ночь, дома просыхали и пыль теперь легко отделялась, после каждого шага. Если он приходил из ночной смены, то после завтрака ложился спать на западню к печке и всегда с книжкой, которые он приносил с собой из завода [Л. 2, 2 об.].

Память автора о детстве «укоренена» в заводском ландшафте. На эти вос-

Николай Слободанинов. Из фондов Майковского музея

поминания наслаиваются более поздние технические знания Н. М. Слободанинова о металлургическом производстве.

...Любил я бегать по смоле в пильной канаве, около кирпичной фабрики, рядом с заводской оградой, — с северной стороны. Слово «пильная» осталось от вододействующей лесопилки в прежние годы, по этой канаве стекала отработавшая вода. Теперь в неё стекала смола от газогенератора Мартеновского цеха (...). Под слоем воды, смола была полугустая — как резина и часто переступая с ноги на ногу, по ней можно было ходить, но не надо было зевать!

В этой смоле утонуло много: свиней, коз и даже собаку Копанцева И. Г. еле выволокли из неё [Л. 3 об.-4].

Н. М. Слободанинов описывает околосовхозное пространство и завод такими, какими увидел их в детстве. Пересказывает он и слова отца, который называл «листокатку» (листокатальный цех) «кормилицей». Очевидно, исполь-

зование слова *кормилец* (*кормилица*) в отношении завода и его цехов было распространено в семьях рабочих, поскольку оно встречается и в современных воспоминаниях о деконструкции предприятия³.

...Бывал я много раз у отца на работе, приносил ему обед; брагу и шаньги, когда он работал кочегаром на локомотиве пятого, парового стана катальной (...).

Бедная листокатка, она видимо, часто подвергалась и раньше пожарам, т.к. отец, будучи дома, услышит бывало завывание свистка, говорил: «Опять кормилица горит, надо идти». И уходил на пожар.

Под властью любопытства я заглядывал во все цеха и расположение их помню хорошо, вернее знал хорошо, ещё до поступления на работу. Если считать по дамбе-плотине с Севера на Юг: первым был Мартен. На Восток от него — шатотная мельница — бегуны — и кирпичная фабрика [Л. 5–6].

Здесь семейная хроника внезапно заканчивается. Н. М. Слободанинов приводит читателя на заводскую площадку для того, чтоб тут остаться. Дальнейшую часть повествования можно назвать своего рода путеводителем по корпусам предприятия, на тот момент уже не существующего. Автор воссоздает что-то вроде «ментальной карты» завода — не только графической, но и вербальной, которая отражает, по-видимому, его состояние на конец 1940-х — первую половину 1950-х гг. Описания процессов металлургического производства нередко включают поистине поэтические детали:

Выпуск металла из печи, для наблюдающего со стороны, представлял не забываемое зрелище; светящиеся искры металла, с легким треском взрывались в воздухе и как звёздочки разлетались вовсе стороны, осыпая огненным дождём операторов,

в широкополых шляпах в суконных куртках и штанах [Л. 15].

В «Воспоминаниях» использована разговорная, просторечная и профессиональная лексика, называющая заводские помещения, технологические процессы и т.п. (*пильная, листокатка, металлочь* (металлолом), *ножница* (повидимому, большие ножницы для резки металлических листов) и др.). Пласт этих слов почти ушел из речевого обихода современных жителей Майкора, что делает произведение Н. М. Слободанинова ценным лингвистическим источником, дающим представление о местной языковой традиции первой половины и середины XX в.

В предпоследней главе автор сообщает о ликвидации и затоплении предприятия. Процесс деконструкции описывается фактографично и почти безэмоционально:

В таком виде (...) завод продолжал работать до момента заполнения камского водохранилища т.е. до 1955 года включительно. Демонтаж-ликвидация завода закончена к 1 апреля 1956 года. К этому моменту всё оборудование было вывезено с территории завода и распределено по другим предприятиям. (...) Металлочь вывезена в незатопляемое место и передана вторчермету.

Весенний паводок имел уже другой характер; вода продолжала «расти» летом и залила площадку завода, напоминая наводнение 1914 года, когда завод был затоплен на 1 метр. Признаками бывшего Майковского металлургического завода остались; незатопленная плотина, шлаковые отвалы, взвозы эстокад сырьевых на шихтовом дворе, фундаменты двух турбогенераторов и рудодробильной машины — предание старины.

Зрелище глазу непривычное.

(...) Нелегко расставались люди с заводом. Посылали ходоков к Министру, но отстоять завод не могли [Л. 67 об.-68 об.].

Вид на Майковский завод. Первая половина 1950-х гг. Архив Т. А. Неволиной

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Рукопись «Воспоминаний» существует в двух редакциях, состав которых не одинаков. Вторая, чистовая, напечатана на машинке. Первая, более ранняя, представляет собой толстую тетрадь, заполненную от руки⁴. Именно она отражает некоторые скрытые механизмы написания текста. Оставшиеся пустыми листы тетради подталкивают Н. М. Слобожанинова к продолжению записей, что он и делает, дополняя собственные впечатления воспоминаниями других людей, вставляя выписки из книг и даже уходя от прозы к поэзии.

В этой финальной части рукописи (не вошедшей во вторую, окончательную, редакцию) появляется стихотворение о Майкорском заводе. Текст, очевидно, создан под влиянием лермонтовского «Бородина» («Скажи-ка, дядя, ведь не даром...» — «Скажи мне дед — хочу я знать...», ср. также воспроизведение лермонтовского размера в отдельных «заводских» строчках). В стихотворении Н. М. Слобожанинов делает попытку примирить свою тоску по затопленному заводу с типичным для 1950–1960-х гг. оптимистическим пафосом «великих строек» («Мы план ЭлРо⁵ осуществляем — / Верны посмертно Ильичу!»). Финал может показаться читателю неубедительным и натужным (это отчасти так и есть). Однако резкое «переключение регистра» — от личной трагедии к риторически подчеркнутому энтузиазму — хорошо показывает, как работают штампы официальной культуры того времени, побуждающие «быть выше собственных чувств» и оправдывать частные утраты общим движением к светлому будущему. Приведем текст стихотворения целиком.

В память о бывшем Майкорском заводе появилось желание написать стихотворение и назвал я его:

На высоком берегу.

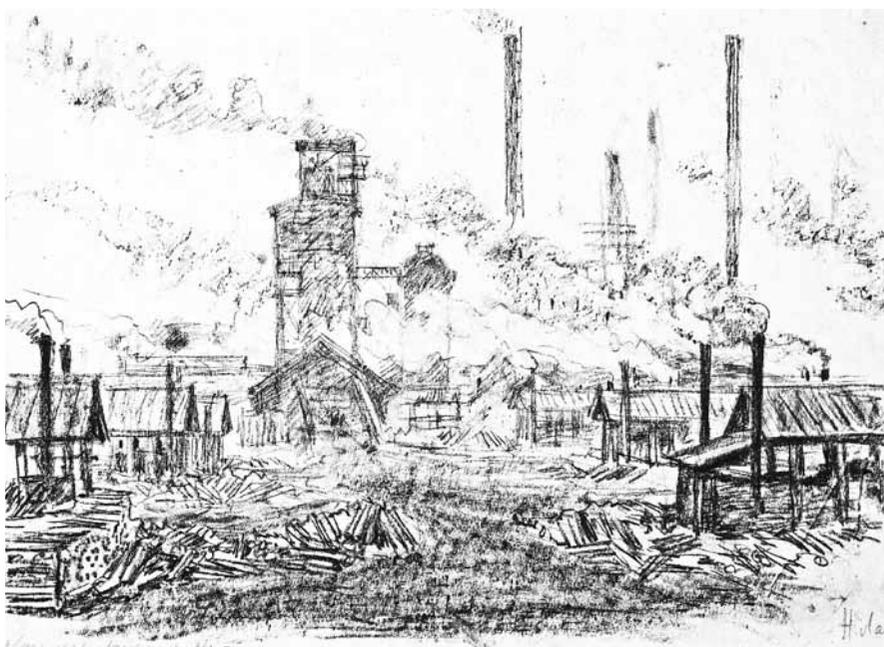
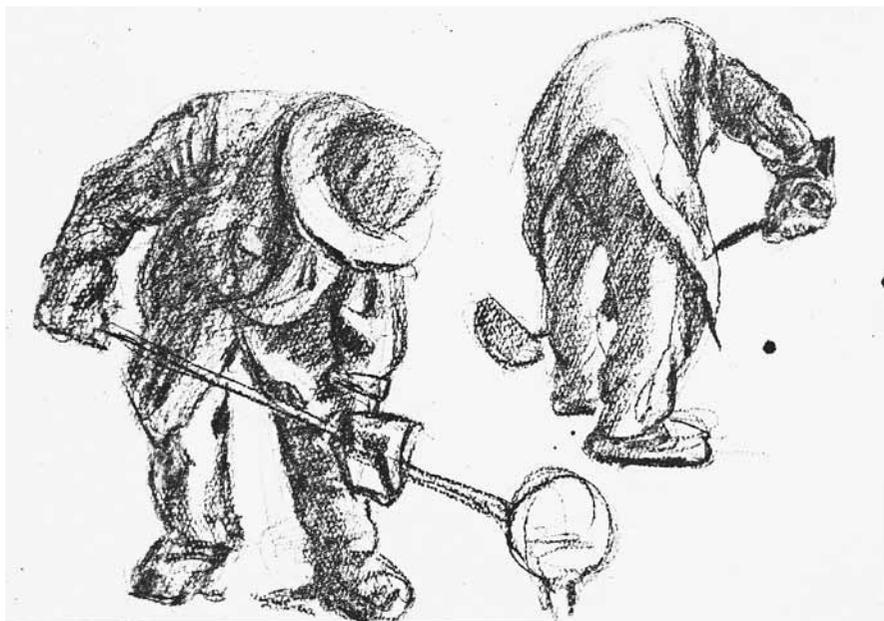
«Давно сознание тревожит
 благая мысль — музей создать.
 Завода нет, а был ведь тоже.»
 «Скажи мне дед — хочу я знать —
 не тут ли был, где волны плещут?»
 «Давай присядем, — я устал.
 Рассказ тебе мной был обещан —
 и так: вон, видишь пьедестал?
 Так там, вдали за пьедесталом,
 печей томительных штук сто.
 Левай — и ближе пьедестала,
 тут “сердце!” — был электроток.
 А вот сюда, чуток направо,
 чугун бежал — как молоко...»
 Рисует жестами уда́ло
 завод незримый — далеко...
 «А пьедестал зачем воздвигнут,
 чему опорой он служил?»
 «Тут агрегат рудодробильный —
 руду горячую крошил...
 А сотней метров севернее;

цехов прокатных гром “стоял”,
 твой дед там — жаром пламенея
 листы железные “катал”.
 Ещё на сотню к нам поближе, —
 тут корпус был на шесть цехов;
 удары сыпались глухие, —
 земля тряслась от молото́в.
 Листы под ножницей ровнели,
 пучки вязались в пять пудов...
 В другом конце — станки гремели...
 Работа требует трудов...
 Литъём чугунным занимались. —
 врага коварного презреть!.. —
 Окопечки отливали, —
 блиндаж солдатский обогреть...
 Ещё по ближе; сталь в мартене
 по желобу струилась в ковш...
 Я вижу всё, как в сновиденье,

тут, вот было и не найдёшь: —
 Свистит, гудит, огнём сверкает,
 идут по рельсам поезда, —
 ни днём, ни ночью, несмолкая...
 И, всё исчезло — на всегда!...»
 Умолк рассказчик на минуту, —
 раздумьям грустным покорясь, —
 Привыкший к шуму заводскому
 сказал; — как будто озарясь. —
 [«]Страна растёт, страна мужает
 И мощь нужна ей по плечу!
 Мы план ЭлРо осуществляем —
 Верны посмертно Ильичу!» [Л. 75 об.–77].

РИТОРИКА УТРАТ

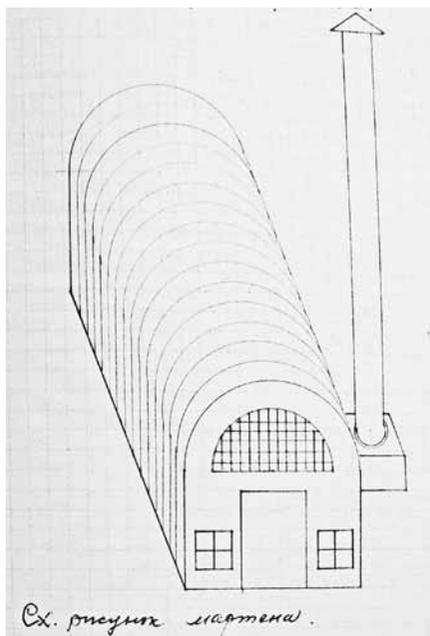
Очерк «Ликвидация завода» был написан Н. М. Слобожаниновым в 1980 г., в конце жизни, когда он по состоянию

Вверху: Н. А. Лаков. Рабочие доменного цеха (1943)

Внизу: Н. А. Лаков. Обжиг угля на Майкорском заводе (1943)

Карандашные рисунки были частью уличной экспозиции «Искусство помнить» (Пермь, 2020). Оригиналы хранятся в фондах Пермской государственной художественной галереи

«Сх. [ематический] рисунок мартена». Из рукописи Н. М. Слобожанинова

Обувь заводского рабочего. Из экспозиции Майковского музея

здоровья уже отошел от управления музеем. Исследования эго-документов рабочих Уралмаша показывают, что эмоции в текстах воспоминаний, как правило, проявляются в связи с трудовыми процессами: «...в основном, это гордость, радость от свершений и работы на заводе; удивление при первом знакомстве с цехами УЗТМ и оборудованием» [2. С. 111]. Текст Н. М. Слобожанинова соответствует этим наблюдениям, когда изображается работающий завод. Заметна общность некоторых мотивов очерка с приведенным выше стихотворением: описываются заводской шум, стройная красота заводских конструкций и т.п. Идеализированное изображение исчезнувшего заводского пространства превращает индустриальное прошлое Майкора в местную ретрополию [1. С. 17–20] (проявляется эта тенденция и в устных рассказах современных жителей поселка).

Но есть то, что отличает очерк от более ранних текстов. В произведении, изображающем события 25-летней давности, доминирует настрой, который исследователи называют «риторикой утрат» [3]. Здесь уже нет попыток оправдать разрушение завода, зато есть

желание подробно описать увиденное для потомков. Картины ликвидации предприятия показывают превращение дорогого автору индустриального пейзажа в хаос («рушатся стройные металлоконструкции, колонны, газопроводы, трубы. Падают сверху вниз куски обесформленного металла»). Очерк хорошо дополняет устные воспоминания о затоплении завода и показывает, что для последнего поколения заводчан оно все-таки стало травмирующим событием и преследовало некоторых из них до конца жизни.

Ликвидация завода (краткий очерк)

Из цеха, меня перевели в контору заводоуправления для составления сметы на демонтаж завода — его ликвидацию. И как только она была закончена, я уволился с завода по собственному желанию, благо, что имел пенсию за выслугу лет. Я не хотел быть участником [ликвидации] того, что создавалось на моих глазах, сорок с лишним лет тому на зад. Тогда я был преисполнен чувства радости, видя как вырастают из отдельных листьев и кусков железа; цилиндры большого диаметра, стройные, решетчатые колонны, наклонные зигзагообразные газопроводы, как растут всё выше и выше дымовые трубы. Всюду стоял перезвон кувалд котельщиков, — клепальщиков, даже на сорокчетырёхметровой высоте <...>.

Я не хотел разрушать того, что было источником моего существования.

И вот теперь, стоя на левом, высоком, обрывистом берегу р. Иньвы, около самого взвоза, — основной дороги ведущей из завода в посёлок, проходившей по откосу, я с расстояния и болью в сердце наблюдал; как вывозятся электродвигатели, станки, машины, металлолом, как рушатся стройные металлоконструкции, колонны, газопроводы, трубы. Падают сверху вниз куски обесформленного металла, срезанные бензорезом. Вот рухнула последняя труба, — котельного отделения ТЭС, срезанная под «корень», издав «Ух!» — звук приглушенный внутренней футеровкой. Они стояли, как свечи, без растяжек, на четырехметровых кирпичных цоколях, две красавицы по сорок метров и вот, бензорез кромсает и её. <...>

На месте остались два фундамента из под турбогенераторов ТЭС и один рудодробильной машины, — три бетонных монолита, как памятники.

С чувством незатухающего сожаления я вновь стою на этом берегу и предо мной растилается картина всего завода, который я помню с детских лет, когда еще к отцу приходил, принося обед, а затем работал, начиная с рассыльного на проходной будке, подручным ковшевого в мартене, смазчиком шеек валов в листокатальном, весовщиком в прокатных и доменном и электромонтером в электроцехе.

Прошло почти двадцать пять лет, а в ушах всё ещё стоит шум, гром от про-

катных и листоотделочных цехов и пронзительный свист от турбовоздуховок доменного цеха, то и дело слышны свистки паровозов и крана в мартене. И всё это сливалось в одну симфонию большого живого организма, — действующего завода. А незабываемые фейерверки при разливе стали в мартене или чугуна в доменном цехе и особенно красиво в ночное время, когда сливается шлак из ковша на шлакоотвале! Такое не забудется ни когда!..

Я задался целью, как то показать, рассказать новому поколению людей Майкора о бывшем металлургическом заводе, который ежесуточно выдавал до восьми тысяч листов кровельного железа, а в годы отечественной войны 1941–1945 годов, он поставил на вооружение двести тысяч тонн высококачественного, древесно-угольного чугуна эквивалентного по весу шести тысячам трех сот танков или ежедневно около четырехсот с половиной танков! А разборные, чугунные печки, обогревавшие солдат в блиндажах? О всем этом должны знать потомки и гордиться.

Я написал свои воспоминания, стихи, и сделал макет завода. А вот более полного очерка написать несумею, да и время уже на исходе.

Н. С.

Декабрь 1980 года [Л. 1–3 об.].

Примечания

¹ Он заведовал музеем с 1970 по 1981 г. Трудности, сопровождавшие основание музея, описал уроженец Майкора Н. А. Тютюков, помощник Н. М. Слобожанинова и краевед-любитель: «Потом мы пошли в музей. Ему отвели угол в здании клуба <...>. Когда мы вошли внутрь, я был шокирован. Крыша была дырявая и капало прямо на экспонаты, а в соседней комнате крыша вообще провалилась и было видно небо. Николай Михайлович жаловался, что поссовет не хочет ничем помогать, а создание музея считает блажью. Я решил попытаться как-то помочь» (Тютюков Н. А. Автобиография и воспоминания из жизни: [рукопись]. 2010. Личный архив Т. А. Неволиной, пос. Майкор Пермского края. Л. 11–12). Здесь и далее все цитаты приводятся с сохранением орфографии и пунктуации источников.

² Хорошему знанию производственного цикла способствовала долгая работа автора в разных цехах завода. Об этом сообщается в приписке ко второй, «чистой», рукописи «Воспоминаний»: «Работал я пом. ковшевого в Мартене, смазчиком в Листокатальном ц[ехе], весовщиком шихты в доменном ц. Электромонтёром, мастером, Заместителем Начальника электростанции» [Л. 18]. За труд в годы Великой Отечественной войны он был награжден орденом Ленина.

³ См. статью Е. А. Ключиковой, С. Ю. Королёвой, М. А. Брюхановой в этом номере журнала.

⁴ Все цитаты приводятся нами по первой, рукописной, версии «Воспоминаний».

⁵ Имеется в виду план ГОЭЛРО — Государственной комиссии по электрификации России (создана в 1920 г.).

Литература

1. Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. М., 2019.

2. Граматчикова Н. Б. История завода в эго-документах и художественных тек-

стах // Эго-документы: Россия первой половины XX века в межэтнокультурных диалогах / под ред. М. А. Литовской и Н. В. Суржиковой. М.; Екатеринбург, 2021. С. 87–118.

3. Янковская Г. А. Память в зоне затопления: технологический футуризм «покорения рек» в СССР 1950–1960-х гг., Камское море, невидимые руины и риторика утрат [Видеозапись доклада] // Забыть и вспомнить: формы и границы советской

памяти. Конференция 1, 3, 5 и 6 февраля 2021 года. Программа и видео выступлений. URL: <http://oblivionconf.tilda.ws>.

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 20–18–00269 (проект «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала»).

Надежда Николаевна Рычкова,

кандидат филологических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)

Виктория Алексеевна Черванёва,

кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

ЧУЖИЕ В ХАТЕ: ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ ОБ ОККУПАЦИИ

Аннотация. Публикация содержит подборку нарративов — воспоминаний о войне жителей украинского анклава Воронежской области, переживших в 1942–1943 гг. оккупацию своих сел войсками фашистской Германии и ее союзников. Среди записанных материалов присутствуют как нарративы, в которых отразился личный опыт, так и рассказы, услышанные от родителей и сохраняемые в семейной традиции.

Ключевые слова: устная история, семейные нарративы, историческая память в фольклоре, украинский анклав, Великая Отечественная война

В публикации собраны рассказы жителей Богучарского и Подгоренского районов Воронежской области. Войска Германии, Италии и Австрии занимали Богучарский район с 10 июля по 19 декабря 1942 г. [2], Подгоренский район находился под оккупацией с 7 июля 1942 г. по 17 января 1943 г. Рассказы были записаны от женщин, которые во время описываемых событий были детьми. Самая старшая из тех, с кем мы беседовали, родилась в 1929 г., т.е. в 1942 г. ей было 13 лет, остальным — еще меньше, но они помнят рассказы матерей. Эти нарративы поддерживают семейную память, в некоторых из них пережитое сплетается с услышанным от родителей, отражая описанную А. Ассман работу индивидуальной памяти [1. С. 22].

Женщины говорят на слобожанском диалекте юго-восточного наречия украинского языка [7. С. 303]. Жители этой территории называют свой язык *хохлацким*, а себя *хохлами*, отделяя себя и от украинцев, и от русских (на местном диалекте — *москалей*).

[Вы как себя считаете, хохлами или русскими?] А хто еґо зна. В паспорте-то русские, ну а так мы, конечно, хохлы. [В других селах у вас по-другому говорят?] Да-да, ну мы ж балакаем, они разговаривают, или там утарят, или чё, а мы балакаем. А вот бабушка моя, она вот как-то разговаривала, на прадеда

вот моею она уворила: «Тату». Как-то больше украинскоґо. Что-то она уворила, раньше, как будто мы или ближе к Украине, или увор этот украинский был. «Чоловик» на мужика, это ж украинский [ПЕИ].

А украї́нці мы по-ихнему даже нэ понымаэм, мы хохлы, не украї́нці. Они як скажуть, яко слово, так матюк пошты. [То есть вы не понимаете, как украинцы говорят?] Не-не [ПЕЯ].

Территорию, о которой идет речь, начали осваивать в XVII в. выходцы с Украины. Первая массовая волна переселенцев, по данным историков, пришлась на 1630–1640-е гг. Православные украинцы бежали от притеснений католиков — поляков и литовцев, так как значительная часть территории современной Украины входила тогда в Речь Посполитую. Следующая большая волна колонизации была в 1720–1730 гг. Российские власти всячески поддерживали переселение украинцев на южные территории Российского государства — они хорошо защищали его рубежи и постепенно осваивали новые земли [4]. Однако проживание в окружении русскоговорящего населения и разорванные связи с материнской культурой привели к формированию особой этнической группы, которая осознает себя отличной как от русских, так и от украинцев¹.

Диалект записан в русской орфографии, кроме «г» фрикативного, который передан греческой «гаммой», так как среди информантов есть русскоязычная женщина, в речи которой нет фрикативного «г». Украинская буква «і» передается русской «и», украинская «и» — русской буквой «ы», украинская «ї» — сочетанием «йи», украинское «е» — «е», украинское «є» — «э». Такая передача выбрана в соответствии с традицией, принятой в отечественной науке, см., например, в [3].

РАЗЛУКА С РОДИТЕЛЯМИ

[А немцы были в Дьяченково?] Булы, у нас ў хати стоялы, мне булѡ пилтора года. Я плакала, нэ ходила ще, я до трѣх уѡдив нэ ходила, вот такѡ пузо булѡ от уѡлоду, ели шо-нѣбудь, якѡ там у матѣри молоко булѡ. А вин кажѡ, нимче: «Будѡ плакать малѣнька — тук». По-нѣмѣцке. Маты: «Ну шо робыты?» А батька ховався. У мѣнѣ батька инвалид, и вин ховався. Она пошла (маты неридна у нѣй) да и кажѡ: «Шо мѣнѣ, маты, робыты», — стоялы так. Она: «Да нѣси». У них нимчи нѣ сказав, у них хата мѣньше, а у нас так двѣ комнаты. Так они мѣнѣ взяли, в чемодан положили, як я заснула, и пѣрѣнѣсли до бабушки. И вот я там була, поки цей начальник тут був [КЕТ].

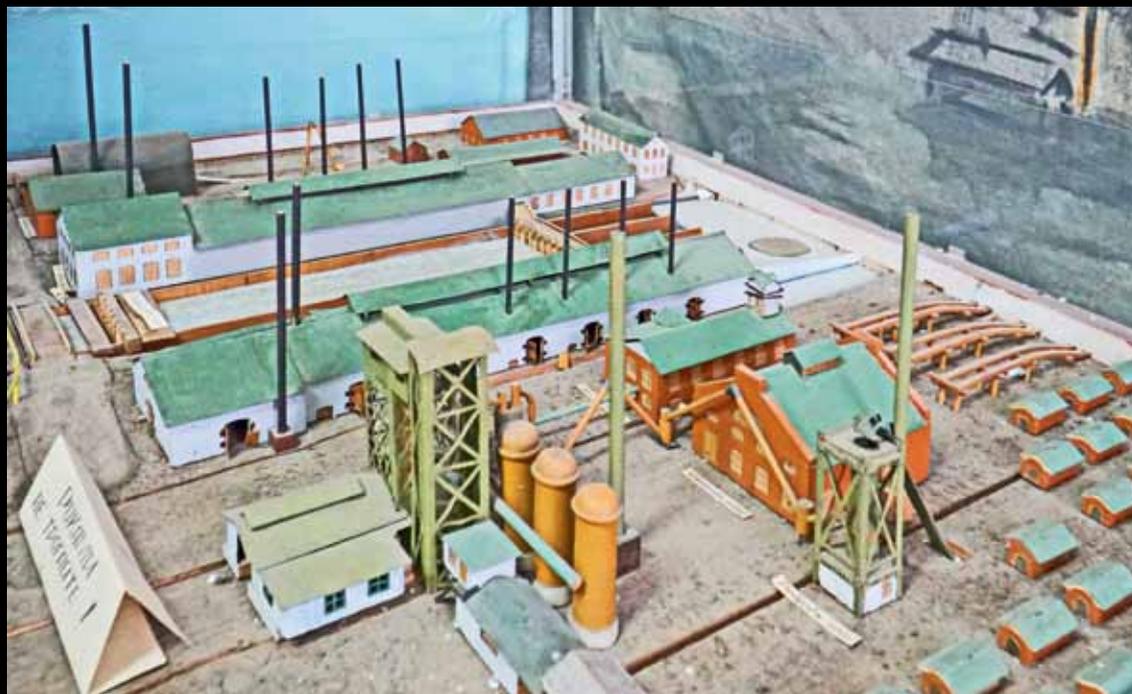
СМЕРТЬ СЕСТРЫ

Посли нимцив австрийци стоялы, и стали бомбить из-за Дону, наши стоялы. Це мамка росказывала, нѣ я, я нѣ той. Так она як ударило орудие, так стѣкла як полетили, она [сестра] в люльке лежала — скике ей було, Шурочке, нѣ знаю. Засыпало ей стеклом, она улотнула, наверно, стекла и вмѣрла. Так австрийци вручну пошили рубашечку ий и уробик зробыли и поховали. И самы нѣсли. Ци были хороши — маты кажѡ [КЕТ].

ПИРОЖКИ И ДЕТИ

Мамка росказывала: строуи нимци щось таки булы. Прысталь: «Спечи пирижки нам». Муки далы. Руськи печуть хороши. Скворода здорова була у нас с чаплийкою [сковородником, чапельником]. Ну матѣрь учинила, пирижки напѣкла. Ей всеуо далы: и муки, и все. И одын стоял наблюдал, шоб дитям ничѡу не подѣла. Мамка спѣкли, тике пѣрву скворидку вытѣла и хотела туды нѣсты с чаплийкою на стил. А вин як выхватил, думал, че, может, на пичь понѣсѣ, а скворода-то уѡряча. И вин як пѣстѣ, попик рука.

Дак вин мамку як побыв. Схватыв ту чаплийку и быв мамку. А пирижки же

Две статьи в этом номере журнала посвящены исследованию памяти о затопленном в 1955 г. Майкорском заводе (Юсьвинский р-н Пермского края) — на материале устной истории (с. 22–28) и эго-документов (с. 28–32)

◀ Макет завода (фрагмент). Из экспозиции Майкорского музея

▼ Вид на Шлаковку — незатопленную часть дамбы. Фото С. Ю. Королёвой

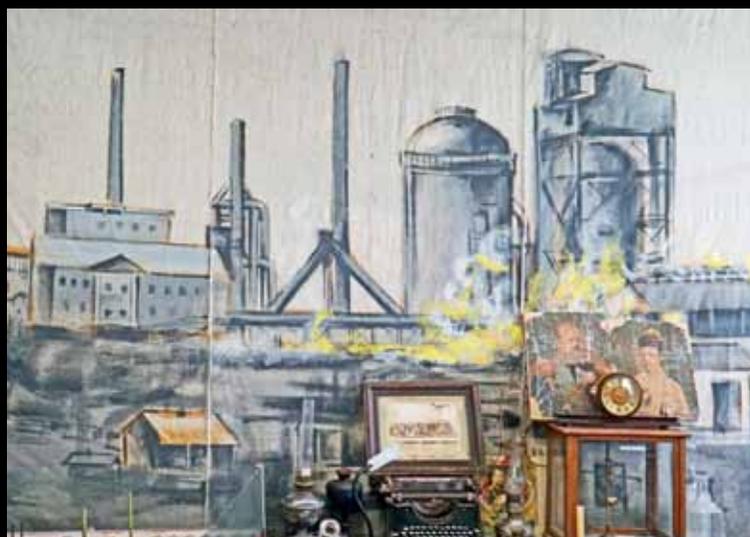

Мемориальный знак в честь Майкорского завода. Фото С. Ю. Королёвой

В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ:

- Л. Н. Виноградова (Москва). Очкур — предмет одежды и *очкур* — слово
- Д. И. Антонов (Москва). Вотивные дары в постсоветской России
- Д. Ю. Доронин, М. М. Эль-Факи (Москва). Шиллоханские образовницы: биография промысла

▲ Остатки заводской плотины. Фото С. Ю. Королёвой

◀ Панно с изображением Майкорского завода. Художник Г. А. Редькин. Из экспозиции Майкорского музея